

ДЕСЯТЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

Перевод с испанского
ВЛАДИМИРА ВОЛЬКЕНШТЕЙНА

Вряд ли есть необходимость представлять читателю художника Пабло Пикассо. Но о поэте Пабло Пикассо хочется сказать несколько слов.

Эти десять стихотворений он написал на своем родном — испанском языке 8 и 9 января 1959 года; вскоре стихи были изданы на острове Мальорка; в минувшем, 1969, году они были опубликованы (в оригинале и параллельно по-французски, в переводе Пьера Дэкса) парижским еженедельником «Леттр франсэз».

Читая стихи Пикассо, чувствуешь, что для их автора поэтическое творчество — не хобби, не «скрипка Энгра». Пикассо-поэт продолжает Пикассо-художника, Пикассо-поэт видит мир глазами Пикассо-рисовальщика и живописца. Опираясь на свой опыт художника, используя сложный опыт французской поэзии сюрреализма, главным образом двадцатых и тридцатых годов, Пикассо пытается уловить и зафиксировать в слове свои догоняющие друг друга и друг с другом сцепляющиеся ассоциации, которые, казалось бы, совершенно случайно, не поддаваясь контролю разума, «автоматически» возникают в глубинах творящего «я» и своевольно ложатся на бумагу.

«Казалось бы...» Ибо у Пикассо, как у всякого настоящего мастера, этот автоматизм и неосознанность письма довольно относительны. В строчках, на первый взгляд случайных и сбивчивых (надо сказать, что в русском переводе они звучат менее сбивчиво, чем в оригинале), явственно ощутимо творческое сознание художника. При всей неожиданности и остраненности ассоциаций, они в этом поэтическом этюде Пикассо в конечном счете не выходят за границы четко очерченного круга — тематического, образительного, эмоционального, — который можно определить как будни и празднества в испанском селенье. Ошеломительные метафоры, кажущаяся лексическая несовместимость, синтаксическая разорванность — все подтянуто к центральному стержню, к сознательному стремлению поймать и запечатлеть многообразие и трагичность жизни, головокружительную смену персонажей, ландшафтов, предметов, ракурсов и масштабов, уловить тайну их монтажа в жизни и в творчестве.

Есть здесь, наверно, и изрядная доля улыбки, озорства, экспериментаторской дерзости — всего того, что придает юношеский задор живописи и графике этого нестаряющегося художника. Своего апогея озорство поэта-экспериментатора достигает, пожалуй, в последних частях стихотворной сюиты, где за стремительным инвентарем следует арифметический ряд, продолженный в бесконечность (нечто сходное можно найти у Поля Элюара, у Жака Превра, у Раймона Кено...).

Десять стихотворений Пабло Пикассо интересно читать в их последовательности — так же, как, скажем, смотреть его листы, посвященные корриде, или портретную серию, запечатлевшую внутреннюю эволюцию Поля Элюара, — тогда замысел воспринимается в движении, динамика множится на динамику и столкновение немислимых в своей дерзости метафор рождает трагический и жизнеутверждающий образ современной испанской жизни, увиденный Пикассо-художником и написанный Пикассо-поэтом.

8.1.59

у края колодца на сырой траве
беспечный парень спал почти что голый
одетый лишь в медвежью или овечью шкуру
меж двух или трех сторон света
превратившихся в древесных лягушек и куропаток внутри и
снаружи

хлебные крошки лежат и мокнут на краю печи
вместе с их мулетами и шелковыми простынями
и металлическими покрывалами
яйцо слишком быстро сваренное вкрутую
мгновенно превращается в пылающие угли
цыпленок и кусок арбуза
и повисшие над ним вороны
больше ничего только ожидающее тамбурина крыло сосны
и бахрома покрывала которое попадает в ловушку
под растянутой простыней каменного леса собранного
среди мертвых фиговых деревьев попадающих в ловушку
под пупком каменных глыб
крики и припевы разбросанные повсюду
дверь разрисована толстой кистью
под куском застывшего неба
которое стоит как часовой у колыбели
сверкая крошками и свистками
над домом брошенным в море
где муха обжегшаяся о край печи
остужает свои лапки на кране умывальника

9.1.59 (1)

коробки с ваксой попадают в ловушку
растянувшись разбросав ноги среди запаха
мальвы прибиты к двери
корраля окрашены охрой и готовы
к празднику разбиты на куски
и покрыты гнойниками
тысячи жадных глаз
прикованы
к четкам эстремадурских колбас
скрипка играет
посреди площади Плача и Скорби
гроздь анчоусов
висят под крышами
и плащ в час огня в сосновой роще
кружится в танце
и искрящийся суп из кремневых раков
стоит на окне

9.1.59 (2)

затем приходит почтальон и сборщик
оваций и криков «олле!» и слепой из
приходской церкви и дрозд и девушки
Рамона и старшая дочь доньи
Пакиты старая дева
и священник дрожащий от холода
все шафрановые и зеленые
нагруженные лапшой
и черным виноградом и апельсинами
и алоэ сочным и крепким и редисом
и еще у них была сковорода
с яйцами и картофелем со шкварками
они чесались от укусов блох
и удивленно звенел дверной колокольчик
буря не щадит ни бедняков ни богачей
они сушили у огня
свою грязную одежду вымокшую под дождем

9.1.59 (3)

старшая дочь Филис покрытая вшами
рехнулась и бросилась
на кровать в чем была
проглатывая слезы и вздыхая
накрылась матрасом
для того чтоб ее приняли за Мессалину
каковой она не являлась
так думали сын алькальда и трактирщик
и они буквально спятили от удовольствия
один играл на тамбурине
а другой на трехструнной скрипке
они ели апельсины
и золотая пыль апельсинового сока
брызгала на одежду
а жалюзи на окнах были приспущены
и освещенные солнцем
казались лестницей для прогулок мух
и они пели песни о матушке Селестине

9.1.59 (4)

когда почтальон узнал что делала девушка
на ткани цвета спелой ржи
он поднял ее и накиннул на нее
свой плащ из синего бархата и помолился богу
на полу стояли глиняные кувшины
за окном расцветал жасмин и резвились быки
и девушка села вышивать на рубахе узоры
но путала нити не хватало лишь
генеральши и ее дочерей
чтоб начался праздник
а девчонка заплакав совсем перепутала нити
дело в том что не рассчитав тяжесть матраса
она придавила себе поясницу
и аптекарь решил ее осмотреть
но это нарушало порядок праздника
установленный Господом и потому
все меньше надежд оставалось на его милость

9.1.59 (5)

и шаловливым и пылким в любви и веселым
стоит быть лишь для того
чтобы каждый час проходящий
использовать в полную меру и потому
даже можно пощекотать мальчишку
дед которого едет верхом на осле
и издали видно
как он грязь счищает с подошв
ударяя их друг о друга
про него бы никто не сказал
что он что-то создал или наоборот уничтожил
так он неповоротлив
но при малейшем шуме
и при первой капле дождя
он скачет домой что есть духу
его волосы и мешок с мукой намокают
а гора гремит как погремушка
и розовый куст шелестит у моря
а на столе рядом с супом стеклянный кувшин
хлеб ложки нож помидоры и его лицо

9.1.59 (6)

хорош лишь тот с кем не случается плохого
говорил портной а также тот к кому не приходит
стыд
как лучи заходящего солнца проникающие
сквозь трещины и щели
и лижущие решетки стульев
и освещающие закоулок где задержался вечер
привлеченные мулами на арене
и смеющиеся чистыми раскатами уличных певцов
и был рассвет сожжен
и походил на рану в коже ночи
и небо было горчичного цвета
а арена была окрашена кобальтом
и люди топча мак и траву
на зеленой арене задорно плясали
в четыре часа пополудни а вовсе не в пять
молния приезда девушки-циркачки
изменила цвет в суповой миске
цвет стал мягок и внезапно испортился
танец со стариком

9.1.59 (7)

Ахонхолин мокрый как суп
и более пьяный чем дыра
танцевал халео* без передышки
богохульствовал кашлял
мочился под пианино и ветры пускал
а жена его красивая глупая женщина
плакала и красными как вареные раки руками
в клочки грязной бумаги
заворачивала маленьких устриц
и прятала их в подол
а ее законные сыновья следствие законного брака
Хуанито Эрико и Бальдомеро (который тоже уже
родился)
тут же сидели стыдась за отца
и карамельки сосали
так в котелке веселья и радости
варился праздничный день

* Испанский народный танец.

9.1.59 (8)

башмак сыра сапог риса
пара яиц гнездо улиток
ствол и цыпленок канарейка
и перепелка чаша чернильница
медный реал дрозд
сказка карандаш кувшин
шар игра в жмурки
история матушки Селестины
и квадрилья парней из Севильи
тореро и дядя Перикито а также
все остальные а именно
собака святого Рохо три четыре
половина и четверть
море волны и рыба
поле и ягнята и коровы
и быки Лагартихо и маленькие ящерки
четверо мальчишек Эчихи
миндаль каштаны лесные орехи
и сушеный виноград куропатки шеглы
базилик тимьян розмарин лаванда

9.1.59 (9)

дым от сухой травы манеж проволока
камень дерево и известь красное вино
балка водка и кролик маслины
перец и соль лимон апельсин
рубаха манишка трусы носки
и чулки камни и камни и еще
камни и такой и такой и другой и такой
и другой и такой и такой и другой и другой
и такой и 1 и 2 и 3 и 4 и 5 и 6
и 7 и 8 и 9 и 10 и 11 и 12 и 13
и 14 и 15 и 16 и 17 и 18 и 19
и 20 и 21 и 22 и 23 и 24 и 25
и 26 и 27 и 28 и 29 и 30 и 31 и 32 и 33
и 34 и 35 и 36 и 37 и 38 и 39 и 40 и 41
и 42 и 43 и 44 и 45 и...

